

РЕГИОНАЛИЗМ В ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКЕ / REGIONALISM IN THE IMPERIAL POLICY

Серия «История»
2012. № 2 (3), ч. 1. С. 54–58
Онлайн-доступ к журналу:
<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

УДК 94(571.53) +34

Российское законодательство и Сибирь. Соотношение имперских принципов и регионализма

И. Л. Дамешек

*Восточно-Сибирская государственная академия образования,
г. Иркутск*

В статье анализируются региональные мотивы в «Сибирском учреждении» М. М. Сперанского, имперская политика во второй половине XIX – начале XX вв. оценивается как проявление централизации и унификации, что подтверждается анализом актов о государственной службе, организации крестьянского управления, земледользовании.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, «Сибирские учреждения», регионализм, имперские тенденции, сибирская администрация, крестьянские начальники, ясачная и аграрная политика.

С точки зрения государственного устройства Российская империя XIX в. представляла собой унитарное, централизованное государство. Однако в этом государстве наряду с административно-территориальным делением существовало еще одно деление, связанное не только с империей в целом, но и с ее отдельными территориями – это территориально-законодательное устройство империи. Само по себе появление такого законодательства, действовавшего на определенной территории, стало возможным благодаря осознанию правительством невозможности в полном объеме «подчинить» окраинные территории действию общеимперских юридических норм, а в более широком плане – свидетельствовало гибкости, поливариантности окраинной политики империи в целом.

В первой четверти XIX в. наиболее крупным законодательным актом правительства в отношении Сибири стал комплекс законов, разработанный М. М. Сперанским и вошедший в литературу под общим названием «сибирского учреждения» или «сибирских реформ» 1822 г. Новую систему управления Сибири Сперанский попытался построить на компромиссе интересов верховной, т. е. самодержавной власти с региональными особенностями. Сперанский стремился обеспечить в новом законодательстве сочетание основополагающих политических принципов функционирования империи, сибирской специфики с решением общегосударственных задач.

Регионализм М. М. Сперанского проявился, прежде всего, в разделении Сибири на два генерал-губернаторства – Западную и Восточную Сибирь. Тем самым по существу было положено начало тому административному разделению Сибири, которое сохранилось и по сей день. Региональными мотивами обуславливалось создание двух Главных управлений и совещательных органов при них – советов. Коллегиальные советы и должны были, по замыслу Сперанского, стать гарантами законности принимаемых решений.

Региональные мотивы особенно сильно проявились при разработке «Устава об управлении инородцев». Факт появления в российском законодательстве новой сословной категории – тому доказательство. Само слово инородцы в практику русского языка, в юридическую лексику вводится именно Сперанским. Новый термин – «инородцы»- стал официальным названием народов края и приобрел сословный характер. В этом же документе обращают на себя внимание и ряд других положений, связанных с сибирской спецификой: разделение аборигенов на три категории – оседлых, кочевых и бродячих, предполагаемая кодификация норм обычного права – с одной стороны, и возможная интеграция аборигенов в общероссийскую административную и экономическую систему – с другой.

Стремление Сперанского учитывать региональные особенности легко прослеживаются и на примере анализа других законов, составляющих комплекс «сибирского учреждения». Примером тому является регламентация подателей и сборов, создание государственных запасов хлеба, заключение торговых сделок и т. д.

В такой характеристике видится прежде всего сочетание имперских принципов и регионализма в законодательстве 1822 г. В этом смысле «сибирское учреждение» вполне вписывалось в палитру общероссийского законодательства об управлении окраинами государства, т. е. находилось в русле общегосударственной политики.

Вторая четверть XIX в., равно как и последующие пореформенные десятилетия, в плане законодательной практики не принесли Сибири что-либо принципиально нового. Основное внимание правительство и местная администрация сосредоточили на реализации сибирского законодательства М. М. Сперанского. Буржуазные преобразования 60–70-х гг., за небольшим исключением, не коснулись Сибири, которая вплоть до конца 70-х гг. продолжала жить по законам 1822 г.

Именно в 70-е годы происходят новшества в административно-территориальном делении края: образовано Приамурское генерал-губернаторство, в 1887 г. вместо Главного управления Восточной Сибири была образована канцелярия Иркутского генерал-губернатора, а сам «главный начальник края» наряду с традиционными был наделен и широкими дипломатическими функциями. В июне 1899 г. иркутскому генерал-губернатору было присвоено наименование «военного». Начавшаяся ломка учреждения Сперанского была связана с изменением основных доминант политики самодержавия по отношению к окраинам государства.

В условиях наметившегося курса на централизацию и унификацию управления центра и периферии одно из наиболее важных условий его осуществления правительство видело в создании корпуса чиновников, которые должны были стать опорой монархии в проведении твердой государственной политики.

Сравнительно-исторический анализ законодательных актов о государственной службе в Сибири свидетельствует об их определенной специфике: большая их часть была пронизана стремлением привлечь в Сибирь, удержать чиновников на службе.

Основные из них касались льгот и преимуществ по службе, соотношения чинов и должностей, пенсионного обеспечения и т. д. Всего за период 1822 по 1891 гг. в форме различных нормативных актов: высочайших, именных и сенатских указов, постановлений Комитета министров и т. д. было принято 64 закона, регламентирующих условия службы сибирского чиновничества. В данном случае на лицо существенное противоречие в законодательной практике империи: стремление к созданию строгой системы законов, составляющих юридическую основу государственной службы, с одной стороны, и многочисленные изъятия из общих правил – с другой.

В Сибири имперские тенденции внутривластного курса правительства особенно ярко проявились в законах об организации крестьянского управления, «инородческом» вопросе и землепользовании. В 1898 г. правительство приняло закон о крестьянских и «инородческих» начальниках, имевший в своей основе известное реакционное положение о земских начальниках Европейской России. Коротко о предыстории.

С начала 80-х гг. XIX в. высшая сибирская администрация в своих официальных сношениях с Петербургом все настойчивее проводит мысль об анахронизме сибирского учреждения Сперанского. Особенно острой критике подвергались те статьи законодательства 1822 г., в которых шла речь о региональной специфике управления Сибирью. Наиболее последовательно эти идеи было сформулированы Иркутским генерал-губернатором А. П. Игнатьевым в его «Программе деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири и правительственных мероприятий в отношении этого края с 1887 г. и приблизительно на 10 лет». По мнению А. П. Игнатьева, Сибири была необходима сильная власть, пронизывающая все ветви и уровни управления – от генерал-губернатора до губернского и окружного. Сибирская администрация признала за благо распространить на сельское население закон от 12 июня 1889 г. о земских начальниках «без всяких изъятий», имея в виду подчинить его действию как русское крестьянское население, так и аборигенов. Изначально власть провозгласила курс на унификацию организации управления сельским населением Европейской России и Сибири.

По закону круг полномочий крестьянского начальника был очень широк. Крестьянский начальник становился полным хозяином жизни на селе – всех крестьян и инородцев без исключения, степень полицейской опеки власти над «сельскими обывателями» резко возростала. Крестьянский начальник наделялся широкими административными правами в отношении должностных

лиц сельского управления, вплоть до штрафа и ареста последних. Характер проведения закона в жизнь, процедура подбора кандидатов на должности крестьянских начальников и попытка его распространения на новые, в том числе северные территории, например Якутскую область, наглядно свидетельствуют о начале качественно иного этапа правительственной политики в Сибири, пронизанного имперскими устремлениями полного подчинения Азиатских губерний и областей действию общероссийского законодательства. В эпоху поздней империи, когда приспособление институтов монархии к реалиям новой жизни шло крайне медленно, о принципах регионализма, провозглашенных в 1822 г. М. М. Сперанским, предпочитали не вспоминать.

Имперские тенденции прослеживаются и в законодательстве о ясачной политике. В процессе землеустройства аборигены из сословной категории инородцев перечислялись в крестьянское сословие и сравнивались с ними во «всех податях и повинностях». Земля инородцам, как и русским крестьянам отводилась в пользование, за что они обязывались платить соответствующие налоги и нести повинности наравне с русскими крестьянами. Однако основной податной обязанностью сословия инородцев был ясак, собственником которого, в отличие от податных платежей русских крестьян, выступало не государственное казначейство, а Кабинет – главный финансовый орган коронной фамилии.

Об имперской направленности аграрной политики правительства в Зауралье достаточно красноречиво свидетельствуют многочисленные попытки насадить там частное помещичье землевладение. На протяжении второй половины XIX в. они предпринимались неоднократно. Восьмого июля 1901 г. Николай II утвердил закон «Об отводе частным лицам казенных земель в Сибири». Закон разрешал продажу земли с торгов представителям всех сословий, кроме иностранцев и «инородцев». В то же время подчеркивалось, что наиболее желательными землевладельцами в Сибири признаются «лица дворянского происхождения» (ст. 11). Для продажи предназначались участки до 3 тыс. дес., поэтому купить их могли только состоятельные лица.

Закон отразил стремления дворянско-бюрократических кругов создать в Сибири опору государственной власти в лице крупных землевладельцев. Таким путем правящая бюрократия еще раз попыталась «приспособить» Сибирь для решения социально-политических проблем разлагающейся империи.

Таким образом отметим, что в российском законодательстве применительно к Сибири на протяжении длительного периода можно наблюдать сочетание имперских признаков и регионализма. Наиболее ярко региональные мотивы проявились в первой четверти XIX в. и были связаны с преобразованием М. М. Сперанского. В конце XIX и начале XX столетия в законодательстве отчетливо прослеживается преобладание имперских тенденций, что было связано с формированием и реализацией на практике консервативной идеологии поздней империи.

1. Полное собрание законов. – Т. 1–3.
2. Библиотека РГИА. Печатные записки. № 131. Программа деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири и правительственных мероприятий в отношении этого края с 1887 г. приблизительно на 10 лет.
3. Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.) / И. Л. Дамешек. – Иркутск, 2002. – 208 с.
4. Дамешек И. Л. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX вв.) / И. Л. Дамешек. – Иркутск, 2005. – 246 с.
5. Дамешек Л. М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX начале XX века / Л. М. Дамешек. – Иркутск, 1983. – 136 с.

Russian Legislation and Siberia. Correlation of Imperial Concepts and Regionalism

I. L. Dameshek

East-Siberian State Academy of Education, Irkutsk

The article explores regional motives in the «Siberian Institution» of M. M. Speransky. Furthermore the imperial policy in the second half of the XIXth – the early XXth c. is assessed as the development of centralization and unification that is proved by the review of Acts of state service, organization of peasant government, land tenure.

Key words: M. M. Speransky, the «Siberian Institution», regionalism, imperial tendencies, Siberian administration, peasant superiors, fiscal and agricultural policy.

Дамешек Ирина Львовна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Восточно-Сибирской государственной академии образования, 664009, г. Иркутск, ул. Н. Набережная, 6, тел. 8(3952)240700, e-mail: dameshek@rambler.ru

Dameshek Irina Lvovna – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of Russia, the East-Siberian State Academy of Education, 664000, Irkutsk, Lower Embankment St., 6, phone 8(3952)240700, e-mail: dameshek@rambler.ru